

О.В. Яковлева,
доктор филол. наук, доц.,
Одесский национальный университет имени И. И. Мечникова,
доцент кафедры общего и славянского языкознания

КОНТЕКСТУАЛЬНОЕ ЗНАЧЕНИЕ ОБРЯДА ИНИЦИАЦИИ В РУССКОЯЗЫЧНЫХ СКАЗКАХ

В статье анализируются фрагменты обряда инициации в текстах сказок. В основе понятия «инициация» лежит знание культурных коннотаций украинского и русского народов, которые репрезентуют вербальные и акциональные символы. Обращается внимание на разницу между лексикографическим значением лексемы «инициация» и ее концептуальным значением, которое в традиционной культуре связано с многозначными символами. Традиционная культура того или иного народа имеет свою собственную систему национальных символических значений, которые ярко представлены в контексте народных сказок. Автором выделены фрагменты мужской и женской инициации при переходе из одной возрастной категории героев сказок в другую. Обряд инициации – неотъемлемая часть жизни далеких предков, мировосприятие которых было обусловлено особенностями мифологического сознания, что и сохранилось в текстах народных сказок, языковой материал которых дает представление об отдельных фрагментах картины мира украинского и русского народов.

Ключевые слова: обряд, инициация, лексикографическое значение, концептуальное значение, символическое значение.

В современной лингвистике традиционное понятие «лексическое значение слова» существенно расширилось. Прежде всего имеются в виду выделенные И. Стерниним *лексикографическое значение слова*, которое «всегда оказывается по объему меньше реального значения, существующего в сознании носителей языка», и *психологически реальное значение*. Последнее гораздо шире и объемнее его лексикографического варианта, который целиком входит в психологически реальное значение. Этот же автор выделяет и *концептуальное значение*, которое называет просто «концепт». Содержание концепта, как пишет И. Стернин, шире и лексикографического, и психологически реального значения [10 : 137-138].

Совсем недавно концептуальные исследования были безусловным «лидером» в рамках антропоцентрической парадигмы [4 : 4]. В связи с этим известный украинский лингвист Е. Селиванова писала, что волна лингвоконцептуальных исследований буквально захлестнула тех, кто серьезно изучает язык, и авторы смело пишут о том, что их работы выполнены в рамках когнитивизма [7 : 304].

Однако, учитывая, что сказки хранят не только забытые знания, но и особенности мировосприятия далекими предками славян, актуальным при анализе этих текстов, а в более широком значении вообще текстов устного народного творчества, необходимым считаем выделение *символического значения*, которое характерно для мифологического мышления. У наших предков доминировал так называемый «символизм сознания». Рассуждая о взаимосвязи символов и сознания, философы пришли к выводу, что человек разумный не может жить без символов. Однако современному типу мышления, в котором логицизм является главной доминантой, «символизм сознания» присущ в гораздо меньшей степени [3].

Контекстуальное значение обряда инициации в текстах сказок раскрывается в том числе и через символические значения. Сказки привлекали внимание многих исследователей. Эти тексты изучали русские и украинские ученые: В. Пропп, П. Зайцев, В. Давыдюк, Л. Дунаевская и многие другие. Роль и значение обряда инициации описывали М. Элиаде,

В. Пропп, В. Давыдюк, В. Балужок и другие исследователи.

Лексикографическое значение лексемы «инициация» представлено в энциклопедическом словаре: восходит слово к лат. *Initiation* – совершение таинств и означает совокупность посвячительных обрядов в первобытном обществе, которые связаны с переводом юношей и девушек в возрастную класс взрослых мужчин и женщин [9 : 492].

Психологически реальное значение *инициации*, по нашему мнению, описано, например, у М. Элиаде, который исследовал это явление. Цель инициации – «радикальное изменение религиозного и социального статуса посвящаемого» [13 : 12]. У неопитов были наставники, которые их обучали и готовили к посвящению. В первобытном обществе господствовала идея о том, что человек сам, в одиночку, «сделать себя» не может, его «делают» старики, духовные наставники [13 : 19].

Центральным моментом инициации являлся обряд, символизирующий смерть посвящаемого и его возвращение к живым. М. Элиаде выделил три категории посвящения. Для анализа сказок важен обряд инициации, знаменующий переход от детства или юношества к взрослому возрасту, который был обязателен для всех членов общества. В данном обряде смерть ассоциировалась с Хаосом, который символизировал конец невежества и детской безответственности, а также готовность ребенка-подростка (возраст инициантов у разных народов был разный: от 5-6 лет и до 15-16, периода полового созревания) к новой жизни – духовной [12 : 15-17; 25].

В текстах устного народного творчества, в том числе и в сказках, мы сталкиваемся с пониманием и толкованием смерти в первобытных обществах, в частности, у древних славян. Смерти в нашем понимании не было. Смерть у предков в то же время означала рождение (т.е. обязательное возрождение) по аналогии с круговоротом жизни в природе [14 : 78-85]. Однако и переход в новый социальный статус был невозможен без символической смерти в прежнем состоянии. Например, в традиционном свадебном обряде выделяют несколько ритуалов, связанных с символической смертью невесты-девушки и ее возрождением в статусе замужней женщины: «Всякий переход от одной формы существования к другой с необходимостью предполагает символический акт смерти» [12 : 68].

Сказка «Баба Яга» [6 : 25;] (аналогичный вариант текста на украинском языке [11]) начинается с того, что после смерти жены мужик остался с дочерью и вскоре женился на злой бабе, у которой была сестра Баба Яга – костяная нога. В. Даль указал, что «Ягишною зовут злую, бранчивую бабу» [2 : 672]. Действительно, мачеха в сказках имеет и символическое значение – это злая баба, которая часто била, ругала приемных детей, ее образ в сознании народа ассоциировался с образом Бабы Яги; а в данной сказке эти женские персонажи – родные сестры. Мачеха невзлюбила приемную дочь и отправила ее к тетке просить иголку да нитку, чтобы сшить девочке рубаху. Напомним, что инициация как обряд приобщения детей-подростков к миру взрослых людей был обязательным для мальчиков и для девочек. В сказках, где Баба Яга похищает детей, чтобы съесть их (например, «Гуси-лебеди»), или мачеха отправляет приемную дочь в лес зимой за цветами («Двенадцать месяцев»), присутствует мотив инициации, т.к. смерть в обряде инсценировалась, например, актом пожирания иницианта в темном лесу: «Воспоминание о хижине посвящения, спрятанной в густом лесу, сохранилось в народных сказках европейских стран, где обряды возмужания давно прекратили своё существование» [13 : 95].

Русскоязычный текст сказки «Баба Яга» не исключение. Перед тем, как отправиться к Бабе Яге, девочка сначала зашла к своей родной тетке, которая предсказала ей все испытания и дала ленточку, масло, хлебец и кусок мяса, которые должны помочь племяннице защититься от желания Бабы Яги съесть ее. Поедание детей Бабой Ягой, представителем потустороннего мира, и было актом символической смерти. Когда девочка пришла в лес, она увидела *избушку на курьих ножках, на бараньих рожах, а в избушке – Баба Яга – костяная нога – холст ткот* [6 : 26]. Связь Бабы Яги с миром умерших предков символизируют ее избушка без окон и дверей – это гроб (укр. *домовина*) и костяная нога как

символ предков по материнской линии (многозначность образа Бабы Яги описана в словаре «Славянские древности») [8].

Баба Яга согласилась дать девочке иголочку да ниточку, но перед этим просит ее поработать и «*вот девочка села у окна и стала ткать*» [6 : 26]. В давние времена, о которых повествуют сказки, девочку в пять-шесть лет уже приучали к сугубо женскому ремеслу – умению ткать. Известно, что каждая девушка сама готовила приданое, которое состояло из определенного количества одежды для себя и для жениха, обязательными были рушники и платки, которые в обрядах имели различные символические значения. Все делалось вручную. Обряд инициации для девочек предполагал, в первую очередь, ее умение ткать.

Анализируя тексты украинских сказок, В. Давыдюк писал о том, что в глубокой древности полноценной считалась только та женщина, которая знала все премудрости ткачества [1 : 150-168].

Живя в лесу, иницианты должны были многому научиться: девушки – управляться по дому, ладить со всеми, кто там живет, включая домашних животных, юноши осваивали премудрости охоты и военного ремесла.

Девочка в сказке, услышав, что Баба Яга собирается съесть ее, испугалась, стала просить работницу и кота помочь ей. Важным для предков был адекватный обмен всего, что необходимо для жизни. Богам, у которых что-то просили, приносились жертвы; перед свадьбой семьи договаривались об обмене подарками; на крестины никто не приходил с пустыми руками, даже покойнику клали в гроб деньги, чтобы он мог без препятствий переправиться на тот свет. Древнейший обычай обмена подарками присутствует и в сказке «Баба Яга». За помощь в побеге девочка одаривает работницу *платком*, кота – *мясцом*, собакам *хлебца* дала, воротам *под пяточки маслица* подлила. Так во время обряда инициации усваивались необходимые правила сосуществования с людьми, животными, а также запоминалось правильное отношение к сакральным предметам, в данном случае к воротам и березке. Эти предметы в верованиях предков также имели символическое значение [15]. Девочке удалось спастись от Бабы Яги, которая долго преследовала ее, благодаря помощи людей, животных, волшебных предметов-символов (гребешок, полотенце), а также ее доброму сердцу.

В следующей сказке «Кузьма Дёгтев» единственному сыну бедной вдовы исполнилось семнадцать лет, когда он решил пойти по белу свету искать свое счастье. Для обряда инициации детей-подростков, чаще всего мальчиков, силой забирали от матери для подготовки ко взрослой жизни в суровых условиях выживания в лесу. Концептуальное значение лексемы «инициация» в данном варианте включает и добровольный уход из родного дома юноши, решившего вступить в брак.

Мать Кузьмы, естественно, горюет, не пускает, но потом смиряется, кладет ему в котомку три пышки и провожает из дома. Естественно, Кузьма оказался в дремучем лесу, где вскоре подул холодный ветер и пошел дождь с градом. Обряд инициации для юношей предполагал умение переживать непогоду под открытым небом, изучение повадок птиц и зверей, которые необходимы охотнику. Юноша спрятался от дождя под косматым дубом, услышав писк птенцов, накрыл их своим кафтаном, а когда буря утихла и перестал идти дождь, заглянул в гнездо, увидел пятерых птенцов ростом с гуся, кричащих и голых, разломил пышку и накормил их.

Лес помогал выживать нашим далеким предкам, и люди бережно относились не только к деревьям, но и ко всем его обитателям. Этому же учили детей. Кузьма задремал на пеньке и не услышал, как налетела огромная птица Ига. Баба Яга в преданиях и сказках славян имела разные варианты своего имени. Возможно, что имя огромной птицы – Ига – один из таких вариантов, тем более, что и Баба Яга не ходила, а всегда летала. Птица так сильно ударила крылом юношу, что тот упал *на сыру землю-матушку*. Тогда птица заговорила человеческим голосом. Юноши в процессе инициации учились понимать язык птиц и зверей как свой родной, т.к. это было важно для будущего охотника. Птенцы рассказали, как Кузьма заботился о них, и птица Ига отплатила ему добром, наделив богатырской силой, но хвастать этим не велела.

Пошел Кузьма в большой город, нанялся на работу в конюшню, которая принадлежала молодому царю. Решил царь поехать за тридевять земель, в тридесятое царство и жениться на заморской красавице. Пригласил и Кузьму. Отец невесты, царь Дадон, предлагает жениху пройти испытания – обязательная часть обряда инициации, т.е. выполнить три задачи. Все испытания направлены на выявление мужской силы и ловкости: умение владеть мечом, метко стрелять из лука и объезжать строптивого коня.

Молодой царь только благодаря Кузьме выполнил все задания, женился на красавице, а Кузьме полцарства отписал.

В сказке «Царевна-лягушка» (укр. «Царівна-жаба») царь-отец устраивает испытание женам своих сыновей уже после свадьбы. Прежде всего молодые женщины должны были продемонстрировать умение ткать ковры и хлебы печь. Этот факт мы рассматриваем как элемент концептуального значения женской инициации. Василиса Премудрая лучше всех справилась с этими заданиями. В танце она тоже была лучше других невесток.

После того, как Иван-царевич сжег лягушачью кожу, начинаются испытания, связанные с мужской инициацией: он должен износить три пары железных сапог – это метафора преодоления трудных и долгих дорог для инициантов, когорые сутками могли блуждать по лесу, выслеживая зверя, приобретая навыки охотника; «изгрызть», как говорится в сказке, три железных хлеба: питались юноши – участники обряда тем, что найдут в лесу. В каждой группе инициантов был опытный наставник: в сказке это древний старик, который повстречался Ивану-царевичу, дал в помощь волшебный клубочек и велел идти туда, куда он покатится. Клубочек – это символ нити судьбы, которую плели небесные богини, в современном понимании – это чувство интуиции, которое было хорошо развито у наших пращуров и помогало выживать в трудных ситуациях. Иницианты должны были иметь хорошо развитую интуицию, чтобы самостоятельно выжить в лесу и справиться со всеми испытаниями.

Встречаясь с медведем, селезнем, зайцем и щукой, Иван-царевич понимает их просьбы о пощаде, спасает, несмотря на сильное чувство голода, хорошо знакомое инициантам: *«Мочи моей больше нет – так есть хочется!»*

В лесной избушке он просит Бабу-Ягу накормить его. Здесь избушка Бабы Яги – это край света, пройдя через который, герой оказывается в потустороннем мире, где обитают умершие предки в образе Кощея Бессмертного. Герой готов оказаться в подземном мире, пройдя через символическое умирание – необходимое условие для возрождения. Яйцо, где спрятана смерть Кощея, символизирует космогонический миф, т.е. миф о сотворении мира. «Только после смерти Кощея испытание героя считается пройденным, а заклятие героини-невесты – снятым» [5 : 488].

Каждый сказочный образ, как символ, многозначный. Образы Кощея и Бабы Яги, возможно, связаны с «посвятителями в системе архаичных обрядов брачного посвящения. Сказочная героиня, невеста или молодая жена, «получает посвящение» в царстве Кощея, и только после этого происходит ее возвращение к жениху или мужу, имеющему человеческую природу» [5 : 492]. Таким образом, Кощей Бессмертный как представитель подземного мира, где находится Василиса Премудрая и куда стремится Иван-царевич, связан с символической смертью инициантов, их перерождением и возрождением. После всех испытаний, герои возвращаются в свое царство-государство для счастливой жизни в любви и согласии. Без прохождения обряда инициации, такая жизнь была бы невозможна, по мнению далеких предков. Понимание того, что счастье вообще и, в частности, в семейной жизни можно добыть, пройдя ряд нелегких испытаний: *износишь три пары железных сапог, изгрызешь три железных хлеба*, свидетельствует о глубокой народной мудрости, которую сохранили для нас тексты сказок. И еще один важный момент в древнем мифопоэтическом мировосприятии, связанный с инициацией: невозможно стать хорошим мужем (женой), не пережив символическую смерть в прежнем состоянии свободного беззаботного юноши (девушки), не овладев ремеслом и навыками самостоятельной жизни. Истинно: сказка – ложь, да в ней намек...

В сказках герои могли не только сами уходить из родительского дома, но иногда отец (царь Берендей в сказке «Иван-царевич и серый волк») [6 : 49] отправлял сыновей поехать по белу свету и познать новые места, что, естественно, связано с трудностями и опасностями, предусмотренными инициацией. В любом случае, вдали от дома юноши встречали, как правило, *старого человека* или *старенького старичка*, который давал советы, как преодолевать трудности, справляться с невыполнимыми заданиями. В этом образе узнается и наставник юношей во время инициации, и умершие предки, которые, по мнению наших пращуров, с того света следят за нами и в трудных ситуациях обязательно приходят на помощь.

Иногда, как уже отмечалось, представителем загробного мира могла быть Баба Яга или просто старуха, которая лежит на печке да охает [6 : 42]. У Бабы Яги могли быть сестры, с которыми встречалась Марьюшка в сказке «Финист – ясный сокол» [6 : 55].

Предок-наставник мог в сказке появиться и в образе серого волка [6 : 51], который служит Ивану-царевичу верой и правдой.

Женская инициация, как отмечалось, была не такой сложной и опасной, как инициация для юношей. В обряде предполагалось обучение девушек прясть, ткать, вышивать, что и требуется от Марьюшки [6 : 59], когда она нанимается в работницы к царице хрустального терема. В сказке «Финист – ясный сокол», чтобы отыскать суженого-ряженого, девушке нужно трое башмаков железных износить, трое посохов железных изломать, трое колпаков железных порвать [6 : 57]. Чтобы добраться до места, где спрятан жених, Марьюшка шла *чистым полем, темным лесом, высокими горами. Все темнее становился лес, за ноги ее цеплял, за рукава хватал...* Преодолевать трудности девушке помогали домашние животные – кот, собака, а также серый волк – все они в контексте сказок имеют символическое значение.

Неукоснительно выполняла Марьюшка их советы, была послушной, работающей, умела выполнять любую женскую работу, чему и учила наставница девушек во время инициации. Мужеством невесты восхищается жених, Финист – ясный сокол: *«Неужели это ты, Марьюшка! Трое башмаков износила, трое посохов железных изломала, трое колпаков железных поистрепала и меня нашла?»* После этого стала Марьюшка настоящей женой, и стали они жить поживать да добра наживать.

Таким образом, проанализировав сюжеты нескольких русскоязычных сказок, выделив фрагменты текстов, в которых присутствуют элементы очень древнего обряда посвящения (инициации), можно сделать общие выводы о контекстуальном значении этого слова. Во-первых, инициальные обряды присутствовали в традиционных культурах многих народов и очень важны «для понимания до-современного человека» [13 : 22], что и подтверждают тексты сказок, которые имеют прямую связь с мифологией.

Во-вторых, в сказках присутствуют варианты только одного типа посвящения, в частности, обряд, связанный с переходом из одной возрастной категории – детства, в другую – взрослую жизнь, что автоматически означало готовность к семейной жизни, рождению детей, самостоятельному ведению хозяйства.

В-третьих, обряд посвящения проводился отдельно для юношей и девушек, предполагал прохождение целого ряда испытаний и обязательную символическую смерть.

Без сомнения, тексты сказок дают возможность описать контекстуальное значение инициации, но в рамках статьи нет возможности скрупулезно проанализировать максимально большое количество текстов даже одного сборника. Таким образом, предлагаемое исследование дает представление о наиболее значимых моментах интересующего нас обряда и позволяет говорить о символическом и концептуальном значении если не в полном объеме, то о значительном его фрагменте, который намного шире и лексикографического, и психологически реального значения.

Литература

1. Давидюк В. Ф. Первісна міфологія українського фольклору / В.Ф. Давидюк. – Луцьк: Волинська обласна друкарня, 2005. – 310 с.
2. Даль Владимир. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4-х т. / В. И. Даль. – Москва: Рус. яз., 1989 – . Т. 4: Р-Я, – 1991. – 684 с.
3. Мамардашвили М. К., Пятигорский А. М. Символ и сознание. – СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2011, – 320 с.
4. Пименова М. В. Концептуальные исследования. Введение: учеб. пособие / М. В. Пименова, О. Н. Кондратьева. – М.: ФЛИНТА: Наука, 2011. – 176 с.
5. Русская мифология. Энциклопедия / сост., предисл., общ. ред. Е. Мадлевской. – М.: Эксмо: СПб.: Мидгард, 2007. – 784 с.
6. Русские сказки. – Харьков: Веста: Издательство «Ранок», 2009. – 400 с.
7. Селіванова Олена Олександрівна. Світ свідомості в мові. Мир сознания в языке. Монографічне видання. – Черкаси: Ю. Чабаненко, 2012. – 488 с.
8. Славянские древности: этнолингвистический словарь: в 5 т. / РАН, Ин-т славяноведения и балканистики; под общ. ред. Н. И. Толстого. – М.: Междунар. отношения, 1995 – . Т. 5. – 2012. – 728 с.
9. Советский энциклопедический словарь. – 4-е изд. – М.: Сов. Энциклопедия, 1988. – 1600 с.,
10. Стернин И. А. Значение и концепт: сходства и различия // Общение. Языковое сознание. Межкультурная коммуникация. Сб. статей/Институт языкознания РАН. – Калуга: КГПУ им. К. Э. Циолковского, 2005. – С. 135- 143.
11. Українські казки Полтавщини // <http://nashakazka.org.ua/kazki-poltavschini.htm>
12. Элиаде Мирча. Оккультизм, колдовство и моды в культуре / М. Элиаде, – Киев; София; Москва: Гелиос, 2002. – 224 с.
13. Элиаде Мирча. Тайные общества: Обряды инициации и посвящения / М. Элиаде, – Киев; София; Москва: Гелиос, 2002. – 352 с.
14. Яковлева О. В. «Потойбіччя» в уявленнях прадавніх українців // Народна творчість та етнографія. 2005. № 3.
15. Яковлева О. В. Обрядовий дискурс у системі національної лінгвоментальності: монографія / О. В. Яковлева. – Одеса: «Одеський національний університет імені І. І. Мечникова», 2014. – 396 с.

О. В. Яковлева

Одеський національний університет імені І. І. Мечникова,
кафедра загального та слов'янського мовознавства

КОНТЕКСТУАЛЬНЕ ЗНАЧЕННЯ ОБРЯДУ ІНІЦІАЦІЇ У РОСІЙСЬКОМОВНИХ КАЗКАХ

Резюме

Стаття присвячена аналізу фрагментів обряду ініціації у контексті російськомовних казок. Звертається увага на поняття *лексикографічне* і *концептуальне* значення лексеми «ініціація». Вказано на символічне значення живих і неживих предметів обряду. Описано особливості жіночої та чоловічої ініціації, які пов'язані з міфологічним світосприйняттям далеких предків.

Ключові слова: обряд, ініціація, лексикографічне значення, концептуальне значення, символічне значення.

**THE CONTEXTUAL MEANING OF THE INITIATION RITUAL IN FAIRY-TALES IN
RUSSIAN LANGUAGE**

Summary

The article views the fragment of the contextual meaning of the initiation in the texts of fairy-tales. The knowledge of national cultural connotations representing verbal and action symbols lies in the base of cultural meaning of an “initiation” notion. The author points out the difference between the meaning of the lexeme “initiation” and its conceptual meaning which is connected with polysemantic symbols in traditional culture. The traditional culture of this or that nation has its own system of national symbolic meanings which are vividly represented of the context of folk fairy-tales. The fragments of male and female initiation during the transition from one age group to another are emphasized in the article. The initiation ceremony became an integral part of the life of our distant ancestors whose outlook was influenced by the peculiarities of mythological consciousness, which has been preserved in the texts of Russian folk fairy-tales. Their linguistic material provides an outlook of some fragments of the world of Russian and Ukrainian nation.

Key words: ritual, initiation, lexicographical meaning, conceptual meaning, symbolic meaning.